

Бесчестьем было б затрубить сейчас
 – Ведь руки вплоть до плеч в крови у вас».
 «То вражья кровь!» – воскликнул граф Роланд.

CXXIX

Промолвил граф Роланд: «Ужасна сеча!
 Я затрублю, и Карл сюда поспеет».
 Ответил Оливье: «То нам не к чести.
 Я к вам взывал, но внять вы не хотели.
 Будь здесь король, мы гибели б избегли,
 Но тех, кто с Карлом, упрекнуть нам не в чем.
 Собрат, клянусь вам бородой моею,
 Что, если вновь с сестрицей Альдой встречусь,
 Она с Роландом ложе не разделит».⁸⁰
 Аой!

CXXX

Спросил Роланд: «Чем так вы недовольны?»
 А тот ответил: «Вы всему виною.
 Быть смелым мало – быть разумным должно,
 И лучше меру знать, чем сумасбродить.
 Французов погубила ваша гордость.
 Мы королю уж не послужим больше.
 Подай вы зов, поспел бы он на помощь
 И не избегли б нехристи разгрома,
 Король Марсиль – плена или гроба.
 Нам ваша дерзость жизни будет стоить,
 Теперь вы Карлу больше не помощник.
 Вовек он не найдет слуги такого.
 Вы здесь умрете, Франции на горе,
 И наша дружба кончится сегодня:
 До вечера мы дух испустим оба».
 Аой!

⁸⁰ Б. И. Ярхо по поводу этого места замечает: «Фраза построена так, точно отношения между Роландом и Альдой уже хорошо известны слушателям. Почти невозможно предположить, что имя Альды произносится здесь впервые, как нечто только что выдуманное жонглером. И так, позади „Песни о Роланде“ стояла какая-то традиция, какое-то сказание, существовавшее до возникновения „Песни“. Но какое? Старшие варианты не дают материала для разрешения этого вопроса: „Песнь о предательстве Гвеноаа“ и „Хроника Лже-Турпена“ вовсе не знают Альды; рукописи „Песни о Роланде“ только развивают „смерть Альды“, но умалчивают о праистории» («Песнь о Роланде по Оксфордскому тексту»). Перевод со старофранцузского, вступительная статья и примечания Б. И. Ярхо. М. -Л., «Academia» 1934, с. 295.).

До сих пор соображения Б. И. Ярхо вызывают наше безоговорочное согласие. Традиция должна была быть, и, со своей стороны, мы ее представляем себе в форме известных «ткацких песен» (девушка и «красавец герой», любящие друг друга) с их задушевностью и деликатным лаконизмом. Но когда Б. И. Ярхо пытается обнаружить (хотя и со всеми возможными оговорками) следы этой традиции в галантном романе Бертра из Бара на Обе «Жирар Вианский» (конец XII в.), мы отказываемся за ним следовать, считая этот роман типичным новообразованием в духе сентиментально-психологических фантазий позднейшей эпохи (Подробное об образе Альды у Бертра из Бара на Обе см. там же.). Альда Бертра – предтеча «прекрасной дамы» не знающей жалости, не имеющая ничего общего с архаической Альдой народной поэзии, как она нам рисуется. Не будем пытаться заглянуть за рамки нам известного, соединяя вещи несоединимые.